

«ОБРЕЧЕННЫЕ НА НЕИЗБЕЖНОЕ ВЫРОЖДЕНИЕ И ВЫМИРАНИЕ»: АБОРИГЕННАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА КОЛОНИАЛЬНОМ ТАЙВАНЕ В СОВЕТСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (1920–1930-Е ГОДЫ)

Аннотация: В статье рассматриваются освещение и оценка в советской и коминтереновской печати 1920–1930-х годов политики японских колониальных властей на Тайване в отношении аборигенов «малайского» (т.е. не-китайского) происхождения. Материалы проанализированы в контексте как советской антиколониальной риторики, так и двусторонних советско-японских отношений, переходивших после «Маньчжурского инцидента» (осень 1931 г.) от относительного нейтралитета к открытой конфронтации, прежде всего в сфере информации и пропаганды. Советские авторы категорически отрицали любой прогресс в жизни аборигенов Тайвана в период колониального правления и утверждали, что японские власти сознательно обрекают их на неизбежное вырождение и вымирание. Революционная пропаганда и коммунистическое движение на Тайване практически не затрагивали аборигенов, не готовых к сознательной политической и экономической борьбе, но пытались использовать имевшиеся национальные проблемы и этнические конфликты для ослабления режима колониального правления и дестабилизации ситуации на острове изнутри. Несмотря на не слишком успешные усилия японской колониальной администрации по «цивилизации» аборигенов, они не стали орудием антияпонской борьбы в целях Коминтерна и «мировой революции». Представляется перспективным сопоставление работ советских авторов с освещением аборигенной политики Японии на Тайване в официальных японских изданиях и в записках других иностранных путешественников.

Ключевые слова: Япония, Тайвань (Формоза), колония, колониальная политика, аборигены, японизация, этнические конфликты

Vassili E. Molodiakov

“DOOMED TO INEVITABLE DEGENERATION AND EXTINCTION”: ‘ABORIGINAL’ COLONIAL POLICY OF JAPAN AT TAIWAN AS SEEN BY SOVIET ANALYSTS, THE 1920–1930S

Summary: This article analyzes critical representation by Soviet and Comintern authors of the 1920–1930s of Japanese colonial policy at Taiwan dealing with ‘Malay’ (non-Chinese) aborigines in the broad context of anti-colonial rhetoric as well as of the evolution of Soviet-Japanese relations from relative neutrality before ‘Manchurian Incident’ (Autumn 1931) to open confrontation mainly in the domain of information and propaganda. Soviet authors negated any progress in the life of aboriginal tribes under colonial rule and postulated that Japanese administration consciently doomed ‘Malay’ aborigines to inevitable degeneration and extinction. Revolutionary propaganda and Communist movement on Taiwan had no connection with aboriginal tribes not ready for organized political and economical struggle but tried to use existing national problems and ethnic conflicts meaning the aim to weaken Japanese colonial rule and to destabilize the situation on the island from inside. In spite of not so successful efforts of Japanese colonial administration to ‘civilize’ Taiwanese aborigines of Malay extraction they did not become a tool for anti-Japanese struggle for the aims of Comintern and ‘world revolution’. It will be useful to compare these works of Soviet authors with the covering of Japanese aboriginal policy on Taiwan in official Japanese sources and other foreigners’ texts.

Key words: Japan, Taiwan (Formosa), colony, colonial policy, aborigines, Japanization, ethnic conflicts

В эпоху колониализма важнейшей частью «цивилизаторской миссии» колониальных держав считалось «цивилизация» аборигенных народов, обычно именовавшихся «дикарями». Это «цивилизация» заключалось в поверхностном приобщении аборигенов к материальной культуре европейского типа, прежде всего к ее внешним атрибутам, без учета местной специфики. Степень распространения среди аборигенов основных атрибутов «белой», европейско-американской цивилизации и культуры, почитавшихся единственной «цивилизацией» и «культурой», служила важным мериллом оценки успеха или неуспеха политики той или иной державы в ее колониях.

Специфика положения Японии как колонизатора в начале XX в. и оценки ее политики в других странах, особенно в тех, которые сами обладали колониями, определялась тем, что она оказалась первой не-«белой» и не-христианской державой, имевшей колонии и претендовавшей на проведение «цивилизационной» политики, что считалось прерогативой «белых» и христианских стран. Правящая элита Японии в ходе модернизации после консервативной революции *Мэйдзи исин* (1868 г.) поставила стратегической целью вхождение страны в «клуб великих держав», для чего по условиям эпохи необходимо было обладать колониями. Именно этот фактор стал одним из определяющих при выработке условий Симоносекского мирного договора 1895 г. после войны с Китаем, по которому Япония приобрела Тайвань и Пескадорские острова – свои первые колонии. Затем ей предстояло «сдать экзамен» по управлению ими, доказать свою способность успешно проводить колониальную политику по «мировым стандартам» того времени.

Анализ иностранной литературы 1900–1930-х годов о политике Японии на Тайване – объемная и многоаспектная тема, которой автор посвятил несколько статей и разработкой которой намерен заниматься далее ([14], [15]). Важным аспектом данной темы является аборигенная политика, т.е. политика колониальных властей в отношении коренных жителей Тайваня, которых в литературе того времени обычно именовали «малайцами», чтобы отличать от китайского или китаеязычного населения, или «дикарями». В настоящей статье речь идет именно о них.

Японские власти почти с самого начала управления островом, точнее, со времени назначения в 1898 г. гражданским губернатором выдающегося администратора Гото Симпэй, уделяли «дикарям» большое внимание, причем не только из-за необходимости «замирить» племена, враждебно относившиеся к любой власти. Гото считал всестороннее обследование коренного населения как части «старой системы» необходимым предварительным условием для выработки эффективной политики колонизации [7]. Именно при нем и под его руководством были заложены основы научного изучения аборигенов Тайваня, результатами которого этнологи пользуются до сих пор [9]. Следующим этапом явилось «замирение» аборигенов, разделенных на «мирные» и «воинственные» племена, отношение колониальных властей к которым радикально различалось. Посещение образцово-показательных поселений «мирных» аборигенов стало неотъемлемой частью туров по острову, которые власти организовывали для заморских гостей в расчете на максимально благоприятное освещение результатов их политики (этот сюжет нуждается в дальнейшем исследовании).

Аборигенная политика колониальной администрации на Тайване – тема куда более объемная, чем ее освещение в иностранной литературе, поэтому реальные достоинства и недостатки этой политики мы здесь не рассматриваем. Цель статьи – показать репрезентацию хода и итогов аборигенной политики в советской литературе 1920–1930-х годов, основное влияние на которую оказали два фактора. Первый – принципиальное неприятие советской ортодоксией любой колониальной политики, которая объявлялась безусловным и абсолютным злом, вне зависимости от страны, о которой шла речь [16]. Второй – постепенное ухудшение отношений между СССР и Японией, непосредственно и оперативно сказывавшееся на том, *что* и *как* писала о Японии советская и коминтерновская печать.

Безоговорочно критическим отношением к японской политике на Тайване отличается уже наиболее ранний выявленный историками коминтерновский документ, посвященный этой колонии. Это анонимная справка «Формоза или Тайван» (в то время чаще использовалось первое название, а второе писалось без мягкого знака) от 1 августа 1923 г., представленная Г. Н. Войтинскому, руководителю Восточного отдела Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) [27, с. 258–265]. Фактические данные в ней соседствуют с резкими антияпонскими выпадами пропагандистского характера, что характерно для коминтерновской аналитики, даже предназначенной для служебного пользования, а не для публикации. Приведу лишь несколько фраз: «Японские колонизаторы ознаменовали начало своего господства невероятными жестокостями, взяточничеством, распутством, всевозможными беззакониями, пьянством и другими художествами, о которых громко с возмущением кричала даже всепрощающая японская пресса. <...> Господствующий там режим еще хуже, чем в Корее».

Пресса Коминтерна, выступавшего как «международная общественная организация», а также его «дочерних предприятий» вроде Профинтерна, отличалась большей критичностью и резкостью в отношении других стран, нежели печатные органы ВКП(б) или советских учреждений, – при том, что они направлялись из единого центра. Позицию открытой печати (ряд коминтерновских изданий отсутствовал в свободном доступе) можно оценить как промежуточную. Она старалась – хотя далеко не всегда – соблюдать приличия в отношении японской монархии и правительства и воздерживаться от прямых «призывов к свержению существующего строя», что могло стать основанием для официальных протестов или санкций. В то же время ее главными темами были тяжелое экономическое и социальное положение японского пролетариата и крестьянства и их борьба за свои права в условиях жестокой эксплуатации и полицейского гнета. О коммунистическом движении писали немного, умалчивая о потрясавших его идейных и организационных расколах и, тем более, о том, как Москва стремилась руководить им и контролировать его. Сказанное верно и в отношении того, что писалось о Тайване.

По справедливому замечанию ведущего отечественного тайвановеда XX в. Ф. А. Тодер, начавшей научную деятельность в 1930-е годы, большая часть доверенных советских публикаций о колониальном Тайване имела «скорее пропагандистский, чем научный характер», поскольку «основными поставщиками материалов о японских колониях – Корее и Формозе – были референты Коминтерна

и Профинтерна, получавшие прессу соответствующих стран. <...> Регулярные обзоры для Профинтерна перерабатывались в статьи сотрудником Профинтерна» [28, с. 52] М. И. Лукьяновой, впоследствии заведующей отделом Японии Института востоковедения АН СССР (ныне – РАН).

При отсутствии на Тайване советских дипломатических представителей и журналистов, вся информация о положении на острове получалась из «вторых – третьих рук», включая официальные японские источники, а для публикации интерпретировалась в строгом соответствии с «генеральной линией». Одна из первых в советской печати статей о Тайване, появившаяся в 1927 г. в журнале «Международное рабочее движение» под красноречивым заголовком «Сахарные плантации обогрены кровью крестьян» (о подавлении волнений в провинции Тайтю осенью 1926 г.), открывалась признанием: «До нас очень редко доходят сведения о Формозе и о положении угнетенных и эксплуатируемых туземцев этой колонии». «Это происходит не потому, – говорилось далее в этой анонимной публикации, – что в колонии все тихо и мирно и туземное население благоденствует, а исключительно по той причине, что колониальное правительство Формозы принимает все меры к тому, чтобы не дать миру услышать стоны этого островного народа» [2].

Обобщением советских публикаций второй половины 1920-х годов о колониальном Тайване, в которых аборигенной политике вообще уделялось мало внимания, стала глава «Японский империализм на Тайване» в книге «Японский империализм. Политико-экономический очерк», вышедшей под псевдонимом «Г. Гастов». Ее автор – Георгий Александрович Астахов (1896/97–1942), в то время работавший заместителем редактора иностранного отдела газеты «Известия».

Более всего известный своей ролью в подготовке советско-германского сближения в 1939 г., когда он служил советником полпредства и поверенным в делах в Берлине, Астахов с марта 1925 г. по 1927 г. в ранге первого секретаря заведовал бюро печати советского полпредства в Токио. По свидетельству его сослуживца, советника и поверенного в делах, затем «невозвращенца» Г.З. Беседовского, Астахов «очень интересовался Японией, изучил японский язык, хорошо знал внутреннюю японскую жизнь», «прекрасно знал Японию, говорил по-японски и по-английски, имел обширные знакомства в Токио» [4, с. 183–184]. Во время службы в Грузии, Германии и Турции в первой половине 1920-х годов Астахов приобрел опыт аналитической и журналистской деятельности и напечатал ряд научных и популярных работ востоковедной тематики. В 1927 г. по инициалам «Г.Г.» он опубликовал брошюру «Япония» в серии «Наши соседи» издательства «Московский рабочий», где в том числе приводились элементарные сведения о Тайване. «Японский империализм» представляет собой бойко и увлекательно написанную научно-популярную работу для широкого читателя, без указания использованных источников.

В очерке японской колонизации Тайваня Астахов отметил «свирепую расправу с тайваньскими аборигенами малайской расы», которую новые хозяева острова осуществляли, «оттесняя их вглубь страны, изолируя, обрекая на голод и вымирание и просто истребляя в беспощадных карательных экспедициях» [8, с. 69]. «Туземцы, – пояснил он, – в первый период японской оккупации лишены были

как возможностей, так и особого желания бороться с японцами, поскольку китайские помещики были для них не лучше, если не хуже. <...> Настоящая борьба с туземцами началась впоследствии. Долгое время туземцы держались в горах, держа пришельцев в состоянии постоянного напряжения и боевой готовности. Лишь в 1910 г. правительство решило окончательно расправиться с туземцами, снарядив ряд экспедиций вглубь страны. <...> После этого остров оказался до известной степени “замиренным”, хотя до сих пор, даже по официальным японским источникам, ряд племен находится вне влияния японских властей, и с ними приходится вести борьбу» [8, с. 68].

Характеризуя современную ситуацию на Тайване, включая положение, в котором оказались «неукротимые горные племена» [8, с. 70], автор сочетал риторику официального образца со стремлением к живости описаний (возникает вопрос, не побывал ли он сам на Тайване в бытность заведующим бюро печати полпредства): «Проезжая по Тайвану, турист сначала поражается кипучей и созидательной работой империализма. <...> Он готов преклониться перед мощью и организаторскими талантами империализма, который создал из дикого острова культурный очаг, брызжущий искрами созидательной энергии. Но когда он присмотрится, заглянет в глубь страны, внимательно расшифрует велеречивые отчеты и статистические таблицы, он поймет наносность и мишуру этой культуры. Даже в приморской полосе все блага принадлежат только японцам. Местному населению (китайского происхождения – В. М.) оставлена лишь самая незначительная посредническая и рабочая роль. Дальше он увидит, что “по-культурному” причесана лишь узкая полоска земли вдоль западного берега острова. <...> Чуть-чуть вглубь, на 5/6 территории, там, за завесой трудно проходимых гор и полицейских кордонов, начинается так называемая “дикая зона” – туда, как правило, не пускают туристов. Там, между высочайшими хребтами, в болотистых низинах ущелий, в зарослях тропических джунглей гнездятся голые люди. Они живут в шалашах, под деревьями и в наскоро сколоченных хижинах, перебираясь ежегодно с места на место, вырубая лес и примитивным способом возделывая убогие посевы риса. Они не знают ни лечебной помощи, ни школы, ни одежды. Огнестрельное оружие заменяют им первобытные деревянные луки. Но они знают sake, табак и опиум. Эти “культурные” навыки поторопились передать им японцы. Они вымирают от голода и малярии, они исподтишка вырезают неосторожно попадающих в горы японцев, кое-где не брезгуя, говорят, даже полакомиться их трупами. <...> Изредка под вооруженной охраной проходят туда отряды исследователей или экскурсантов, а остальное время весь огромный, изобилующий неизведанными богатствами остров молчаливо дремлет под сенью высочайших гор. Лишь крики мартышек нарушают его тишину, да одинокие выстрелы разбросанных по нескольким тропам японских полицейских постов напоминают униженным, озлобленным голым людям лесных чащ о том, что они – рабы, что им закрыты все выходы к морю, к земле, к труду» [8, с. 77–78].

Впрочем, посещение Астаховым Тайваня представляется не слишком вероятным, поскольку колониальные власти стремились не допускать на остров советских граждан, даже если те имели на это формальное право. Так они поступили в 1926 г. с писателем Б. А. Пильняком, хотя полученная им японская виза позво-

ляла въехать на Тайвань [20, с. 225–226]. Приезд на остров лингвиста и этнографа Николая Александровича Невского (1892–1937) в июле 1927 г. был обусловлен тем, что он жил в Японии с 1915 г., преподавал русский и айнский язык в Осацком институте иностранных языков и до 1929 г. не имел советского паспорта. Целью поездки было изучение языка и фольклора аборигенов племени цоу. Ее результатами стали книга «Материалы по говорам языка цоу», увидевшая свет восемь лет спустя, когда ученый вернулся в СССР [17], – единственная работа Невского, вышедшая при его жизни отдельным изданием, рукописный «Словарь диалекта северных цоу», опубликованный посмертно в виде факсимиле рукописи ученого [18], а также неизданные заметки и записи, хранящиеся в составе его архива в библиотеке г. Тэнри (Япония) (сообщено автору исследователем и публикатором наследия Невского д-ром Д. Цукамото).

Пребывание Невского на Тайване и значение проделанной им работы в области языка и фольклора изучены и хорошо известны ([11, с. 122–132], [21, с. 119–120]). В свете нашей темы интерес представляют критические суждения ученого о японской политике на острове, которые содержатся в «Предисловии» к «Материалам по говорам языка цоу», датированном «Ленинград. 1935». Автор готовил к печати свой труд в совсем иных политических условиях, нежели когда находился на Тайване, что могло наложить отпечаток если не на содержание, то на форму и общий тон его высказываний.

Невский относил цоу к племенам, «вымирающим и вырождающимся под прямым и непосредственным влиянием капиталистической цивилизации» [17, с. 4] и отмечал, что они «в результате административно организованного японцами обмена за бесценок отдают результаты своего труда, получая взамен колониальную дешевку, выбрасываемую сюда японской индустрией» [17, с. 5–6]. По его словам, «колониальная политика империалистической Японии исключает всякую возможность исторического прогресса племени, в этих условиях обреченного на неизбежное вырождение и вымирание» [17, с. 6]. Характеризуя использование японской администрацией старшин кланов для подчинения цоу, Невский отметил: «Эти, вчера еще независимые, сыны природы широко эксплуатируются японской полицией (так – В. М.) при прокладке новых путей сообщения, на заготовках строевого материала, гонке камфары и прочих работах, оплачиваемых жалкими грошами, но обеспечивающих завоевателям огромные колониальные сверхприбыли. И здесь, в этом деле порабощения племени, японскому империализму не в малой степени помогают сами старшины кланов» [17, с. 6–7].

Невский изучал жизнь и быт различных народов в составе Японской империи и мог искренне критиковать политику японизации аборигенов, однако не в этом видел свою цель. В том же предисловии, после приведенных выше фраз, как будто взятых из коминтерновского журнала или агитпроповской брошюры, следует короткий поэтический рассказ о путешествии в деревню аборигенов (по специальному разрешению генерал-губернаторства). Поэтичной получилась даже концовка предисловия к сугубо академической работе, вышедший в издательстве АН СССР: «Выпускаемая ныне в свет первая часть работы “Материалы по говорам цоу” является результатом моих исследований этого весьма интересного

языка, покоящихся главным образом на материалах, данных мне моим учителем Вонгы (абориген, знавший японский язык и обучавший ему местную молодежь, – В. М.) и проработанных первоначально с ним вместе в горах Формозы под непрерывный шум дождя сырого горного сезона» [17, с. 8].

В иной тональности, нежели коминтерновские публикации, выдержаны опубликованные в 1930 г. впечатления академика Николая Ивановича Вавилова (1887–1940), который осенью 1929 г. побывал в командировке в Японии, Корею и на Тайване ([5], [6, с. 81–98]). Его интересовали не социальные и, тем более, не политические вопросы, но растительный мир, состояние сельского хозяйства и растениеводства и научной работы в данной области. Именитому гостю оказывалось всяческое содействие, в том числе при посещении Тайваня: «Был разработан маршрут по всему острову – и вглубь, и на самый юг. Власти предоставили в наше распоряжение средства сообщения, были даны телеграфные указания о встречах и ночлегах. В маршрут включалось и посещение горных районов, заселенных малайскими племенами, наиболее воинственными жителями острова, так называемыми “охотниками за черепами”. <...> Короткий визит на Тайвань оказался чрезвычайно продуктивным» [6, с. 99–101].

Проблема отсутствия «независимых источников информации на Тайване» у советских органов, включая разведку, остро встала во время событий, ненадолго сделавших Тайвань ньюсмейкером если не мирового, то регионального масштаба. Речь идет об «инциденте в Ушэ» (яп. *Муся дзихэн*) в октябре 1930 г. – кровопролитном конфликте в провинции Тайтю между аборигенами племени атаял и японской полицией. Начавшийся с бытовой ссоры между офицером полиции и тамадой на свадебной церемонии аборигенов, «инцидент» перерос в настоящее антияпонское восстание, которое было жестоко подавлено полицией и армией с применением авиации, слезоточивого газа и отравляющих веществ. Японские власти препятствовали проникновению информации о подобных событиях в прессу, особенно с учетом того, что район Ушэ считался образцовым в плане политики по отношению к национальным меньшинствам.

Статьи об этих событиях в московской прессе свидетельствуют о недостатке у авторов фактической информации о происходящем, поэтому большую часть текста составляет пересказ общих сведений о ситуации на острове и об эксплуатации аборигенов ([3], [13], [19]). Подчеркнув, что в изображении японцев аборигены – это «дикий народ, самое существование которого является опасностью для всех соседних мест <...> кровожадные люди, которые при встрече с кем-либо не из их племени немедленно отрезают несчастной жертве голову и прибивают ее на изгородь своего жилища, делают набеги на мирных жителей и безжалостно их убивают» [13, с. 16], М. И. Лукьянова разъясняла советскому читателю: «Японцы никогда не пытались подойти к местному населению Формозы “как братья”. <...> Если японцам сравнительно легко удалось устрашить и привести в покорность население долин острова (китайского происхождения – В. М.) путем применения военного насилия и средств истребления, которые им дала в руки “цивилизация”, то гораздо труднее оказалось это проделать в горах, где условия местности дали возможность населению (аборигенам – В. М.) оказать стойкое сопротивление колониальному грабежу. <...>

С захватом острова японцы решили очистить камфарные леса от “дикарей”, переводя их на кабальное плантационное хозяйство. Попытки проделать это насильственным путем встретили со стороны туземцев сильный отпор. <...> Японцы явно отказывались сколько-нибудь считаться с туземцами. Неудивительно после всего этого, что последние платят японцам за их “благоденствия” жестокой ненавистью. <...> Иногда эта ненависть прорывается в восстаниях отдельных племен, которые жестоко расправляются с своими притеснителями» [13, с. 16–17].

В восстании приняли участие 1500 человек, которые в одном из сообщений ТАСС превратились в 15 000, но журнал «Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение» пояснил, что это ошибка [3, с. 21]. Не упоминая о конфликте, с которого начался «инцидент», Лукьянова назвала причинами восстания «издевательства японских лесопромышленников, отказавшихся уплатить им (аборигенам – В. М.) за порубку и перевозку леса» и то, что «под предлогом постройки электростанции в Дзицугеттан их заставили освободить площадь и идти на все четыре стороны» [13, с. 18].

Можно предположить, что, помимо сообщений японской печати, источником этих сведений послужил доклад работавшего в Шанхае китайского коммуниста Вэн Цзэ-шэна от 13 января 1931 г., дополненный информацией о других выступлениях «революционных аборигенов» в докладах от 4 и 10 мая 1931 г. [27, с. 400–401, 559–561, 565–566]. Со ссылкой на «человека, который поддерживает регулярную связь с ЦК Формозской (коммунистической – В. М.) партии», он назвал причинами недовольства «снижение зарплаты, принудительный труд и то, что японское правительство заставляет аборигенов покидать нынешнее место жительства», а также политику японцев в Хуаляне, заставлявших местных жителей выращивать для них сахарный тростник. Вэн Цзэ-шэн сообщил, что «японские империалисты подавили выступление с особой жестокостью», используя «докрасна раскаленные наручники, которыми сковывали арестованных аборигенов перед тем как расстрелять их».

Это в московскую прессу не попало, хотя в ней говорилось, что «в разгроме мятежников принимали участие 3–4 роты солдат, не считая полицейских, аэропланов, бомбометов и горной артиллерии» [3, с. 21]. «В течение недели шла бомбардировка и разгром мятежных селений. Через неделю порядок был восстановлен, и японцы с гордостью могли написать, что в горах “наступило успокоение”, причем потери со стороны туземцев значительно превышают японские. Военная мощь Японии, – саркастически заключила Лукьянова, – достаточно велика для того, чтобы справиться с кучкой “дикарей”, посмевших напомнить им о своих правах» [13, с. 18].

Немногочисленные тайваньские коммунисты попытались использовать восстание – к которому не имели никакого отношения – для пропагандистской кампании и привлечения внимания к своей деятельности. Они подготовили открытое письмо ЦК КПТ «к мировому пролетариату и угнетенным народам в поддержку восстания аборигенов на Формозе» (21 ноября 1930) с призывом «Да здравствует вооруженное восстание наших революционных братьев-аборигенов» [27, с. 408–409], которое, видимо, так и не было опубликовано. Вэн Цзэ-шэн в упомянутом докладе признал неудачу задуманной кампании, сославшись на цензурный гнет.

Заслуживают внимания оценки восстания в советской прессе. По мнению анонимного автора журнала «Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение», «стихийные попытки сбросить владычество японского империализма, типа настоящего восстания, заранее обречены на неудачу» [3, с. 21]. Заключительная часть статьи Лукьяновой прямо перекликается с коминтерновскими документами: «Пролетарии Японии должны понять, что в своей борьбе против японской буржуазии они тем сильнее, чем теснее увяжут свои силы с нарастающим революционным подъемом японских колоний. Объединившись с революционными крестьянскими массами Кореи и Формозы против общего врага, они наилучшим образом обеспечат себе победу. Формозское восстание не должно пройти мимо японского пролетариата, который должен внимательно изучить создавшееся положение и четко выявить свое отношение к этому вопросу» [13, с. 18].

Возможно, выступление тайваньских аборигенов привлекло бы большее внимание, но его полностью заслонили последующие события. Известная как «Маньчжурский инцидент», оккупация Маньчжурии Квантунской армией осенью 1931 г. изменила баланс сил на Дальнем Востоке. Японская экспансия на материке перешла в активную фазу, что было закреплено созданием в 1932 г. «независимого государства» Маньчжоу-го, представлявшего собой японский протекторат. Начатое в октябре 1931 г. следствие по делу тайваньских коммунистов и их «попутчиков» закончилось судебным процессом в Тайбэе в июне 1934 г., на котором 45 человек были приговорены к различным срокам тюремного заключения. В зале суда все они заявили об отказе от своих убеждений. Вэн Цзэ-шэн был арестован в марте 1933 г. в Шанхае и депортирован на Тайвань; в августе 1935 г. он был осужден на 15 лет заключения и умер в тюрьме. Это был конец тайваньского коммунистического движения [27, с. 183–187].

Одним из последствий «Маньчжурского инцидента» стало ухудшение советско-японских отношений, которые после отказа Японии от пакта о ненападении с СССР и выхода из Лиги Наций весной 1933 г. перешли в открытый информационно-пропагандистский конфликт. Не позднее 21 октября 1933 г. И.В. Сталин дал В. М. Молотову и Л.М. Кагановичу указание «начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии», пояснив: «Пора начать широкую, осмысленную обработку обществ[енного] мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии. Надо развернуть это дело в «Правде», отчасти в «Известиях». Надо использовать также ГИЗ (Государственное издательство – В. М.) и другие издательства для издания соответствующих брошюр, книг. Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и с положит[ельными] сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что *вытукло надо выставить* отрицательные, империалистические, захватнически милитаристские стороны» [25, с. 396].

В течение нескольких месяцев был оперативно подготовлен и издан ряд книг о Японии (не говоря о многочисленных газетных и журнальных статьях), в которых даже материалы научного характера имели ярко выраженную политическую окраску ([23], [24], [26], [29], [30]). Например, в краткой справочной статье о японских колониях отмечалось, что «Формоза имеет огромное стратегическое

значение как передовой форпост для военной агрессии японского империализма», а аборигены «до последнего времени ведут непрекращающуюся партизанскую войну с японскими захватчиками» [10].

Специально Тайваню в этой волне публикаций уделялось мало внимания, за исключением статьи Б. А. Александрова (биографическими сведениями не располагаем) «Формоза в тисках японского империализма» [1]. Повторяя привычные клише о Тайване как «типичном колониальном аграрно-сырьевом приатке капиталистической метрополии», автор обращал внимание читателей на «режим ужаса и жестокой эксплуатации, который навсегда вырыл пропасть между японским империализмом и туземными китайскими и малайскими народами». Новыми для советской литературы в статье были определение событий 1895 г. (вооруженная борьба против японской армии и провозглашение «Тайваньской республики») как «Формозской революции» и характеристика политики «японизации» как «одного из наиболее действительных средств покорения туземцев и приспособления их к выполнению задач японского империализма».

В той же тональности выдержана «последняя серьезная довоенная работа по Тайваню» [28, с. 53] – статья «Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895–1935 гг.)», опубликованная в 1935 г. в двух номерах журнала Тихоокеанского кабинета Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП) «Тихий океан» под фамилией «А. Розен». Под этим псевдонимом укрылся Ян Петрович Бремман (1898–1938), заведовавший Восточным сектором иностранного отдела ТАСС и преподававший в Московском институте востоковедения (МИВ), ранее связанный с разведывательной и «секретной» работой: в 1918–1924 гг. – сотрудник органов ВЧК-ОГПУ; в 1924–1928 гг. – секретарь секретного отдела ЦК ВКП(б), в 1930–1932 гг. – заведующий отделом торгпредства СССР в Японии, в 1933–1934 гг. – помощник заведующего Культпропотделом ЦК ВКП(б). Добавлю, что в конце 1934 г. Бремман прочитал в МИВ лекцию о колониальной политике Японии, основное внимание в которой было уделено Тайваню [27, с. 242]. Статья строго следовала ортодоксии, из-за чего в ряде случаев выдавала желаемое за действительное, но в ней обобщен обширный фактический материал, не только полученный по каналам спецслужб и Коминтерна, но собранный автором во время службы в Токио, включавшим труды японских историков и экономистов.

Политика японцев на Формозе оценивалась автором как «исключительно жестокий, варварский колониальный режим»: «Вся Формоза является ничем иным, как большой тюрьмой» [22-В, с. 86]. Во второй части статьи он уделил особое внимание карательным операциям властей по «замирению» аборигенов, подчеркнув, что «до сих пор еще японцы в ряде районов Формозы находятся на положении военных оккупантов, сидящих в укрепленных лагерях» [22-В, с. 87]. Экономическое положение большинства «мирных» аборигенов он определил как «пауперизацию» в результате попыток японцев приобщить их к земледелию и скотоводству: «Для аборигенов-охотников этот поворот прежде всего означал резкое ухудшение условий существования. Во-первых, они имели весьма слабое представление о земледелии; во-вторых, из огромного количества принадлежавших им земель им оставили крайне мизерные клочки земли; в-третьих, они не имели ни инвентаря

для обработки земли, ни средств для его приобретения. Отсюда ясно, что процесс разорения и полного обнищания аборигенов развивался с чрезвычайной быстротой. Выбитые из привычных условий жизни, они в своей основной массе превратились в пауперов, имеющих лишь сезонные заработки на сахарных заводах, и только частично более или менее постоянных батраков на сахарных плантациях. Вымирание этих пауперизованных аборигенов происходит в поистине ужасающих размерах» [22-В, с. 87–88]. «Такого режима, который установлен японцами для аборигенов, не существует ни в одной из других колоний мира», – подытожил Розен-Бреман [22-В, с. 88], хотя к этому приему прибегали советские авторы, писавшие о разных частях света.

Для полноты обзора упомянем статью географа и этнографа, профессора ЛГУ Николая Васильевича Кюнера (1877–1955) «Коллективные охоты у формозских племен», написанную по японским данным [12] (несколько работ Кюнера по этнографии Тайваня остались неопубликованными). Думаю, не только научная добросовестность автора, пользовавшегося чужими материалами, но и политические обстоятельства, даже применительно к столь не-политической теме, вынудили его заявить: «Сведения эти содержат значительные пробелы, несмотря на разнообразие и объемистость опубликованных материалов, и совершенно не отвечают ни по содержанию, ни по методу обработки современным научным требованиям. Необходимо также подчеркнуть явную тенденциозность подбора и освещения рассматриваемых японских материалов в целом, подсказанную классовыми и империалистическими тенденциями их авторов и издателей».

Освещение советскими и коминтерновскими аналитиками японской колониальной политики на Тайване, включая аборигенную политику, подчинялось стратегическим целям обличения колониальной политики как таковой и политики «империалистической» Японии в процессе нараставшего противостояния с ней. Написанные нередко со знанием фактического материала, хотя и заимствованного из «вторых-третьих рук», эти работы в настоящее время не представляют ценности как источник достоверной информации, но остаются незаменимым материалом для изучения информационно-пропагандистских конфликтов и «имиджевых войн». Особенно перспективным представляется их сопоставление с освещением аборигенной политики Японии на Тайване в официальных японских изданиях и в записках иностранных путешественников, в той или иной степени инспирированных «принимающей стороной».

Литература

1. Александров Б. Формоза в тисках японского империализма // Современная Япония. Сб. 2. М. : ИМХМП, 1934. С. 74–95.
2. [Аноним.] Формоза. Сахарные плантации обгарены кровью крестьян // Международное рабочее движение. 1926. № 5. С. 13–14.
3. [Аноним.] Восстание на Формозе // Мировое сельское хозяйство и крестьянское движение. 1931. № 1. С. 20–21.
4. Беседовский Г. На путях к термидору. М. : Современник, 1997. 464 с.
5. Вавилов Н.И., Акад. Наука в Японии. (Из впечатлений поездки в Японию, Корею и Формозу осенью 1929 г.) // Природа. 1930. № 4. С. 355–378.

6. Вавилов Н.И. Пять континентов. М. : Мысль, 1987. 348 с.
7. Ватанабэ Т. Колониальный Тайвань как модель регионального развития // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 8–16.
8. Гастов Г. [Астахов Г.А.] Японский империализм. Политико-экономический очерк. М. : Московский рабочий, 1930. 144 с.
9. Головачев В.Ц. Исследования по этнологии Тайваня в трудах японских ученых колониального и послевоенного периода // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 206–221.
10. Горшенин И. Японские колонии // Япония. Сборник статей. М. : Соцэкгиз, 1934. С. 129–131.
11. Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М.: Наука, 1978. 216 с.
12. Кюнер Н.В. Коллективные охоты у формозских племен (у племени атайял) // Советская этнография. 1937. № 2/3. С. 101–110.
13. Лукьянова М. Восстание на Формозе // Международное рабочее движение. 1931. № 1. С. 16–18.
14. Молодяков В.Э. Витрина японской колониальной политики: Тайвань в записках американских путешественников 1920-х годов // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 162–178.
15. Молодяков В.Э. Колониальная политика и моделирование образа Японии: Тайвань, 1900-е – 1930-е годы // Япония. 2016. Ежегодник. М., 2016. С. 156–172.
16. Молодякова Э.В. Колониальная политика Японии: взгляд из России // Тайвань под японским управлением. Новые материалы и исследования. М. : ИВ РАН, 2016. С. 17–25.
17. Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1935. 136 с.
18. Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М. : Наука, 1981. 292 с.
19. Петровский В. Восстание «дикарей» на Формозе // Проектор. 1930. № 34. С. 22–24.
20. Пильняк Б. Корни японского солнца / Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М. : Три квадрата, 2004. 336 с.
21. Решетов А.М. Н.А. Невский как этнограф // Этнографическое обозрение. 1993. № 6.
22. Розен А. [Бреман Я.П.] Кровавое сорокалетие. (Формоза 1895-1935 гг.) // Тихий океан. 1935. № 3. С. 105–122 [22-А]; № 4. С. 86–97 [22-В].
23. Современная Япония. Сб. 1. М. : ИМХМП, 1934. 304 с.
24. Современная Япония. Сб. 2. М. : ИМХМП, 1934. 232 с.
25. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 798 с.
26. Танин О., Иоган Е. [Тарханов О.С., Иолк Е.С.]. Военно-фашистское движение в Японии. М. : Партиздат, 1933. 272 с.
27. Тертицкий К.М., Белогурова А.Э. Тайваньское коммунистическое движение и Коминтерн (1924–1932 гг.). Исследование. Документы. М. : Восток–Запад, 2005. 624 с.
28. Тодер Ф.А. История изучения Тайваня в России // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 5. С. 45–56.
29. Япония. Сборник статей и материалов. М. : Партиздат, 1934. 400 с.
30. Япония. Сборник статей. М. : Соцэкгиз, 1934. 416 с.

References

- Aleksandrov, V. (1934). Formosa v tiskakh iaponskogo imperializma. [Formosa in the Grip of Japanese Imperialism]. In *Sovremennaiia Iaponiia*, Iss. 2, Moscow : Institut mirovogo khoziaistva i mirovoi politiki, pp. 74–95.
- [Anon.] (1926). Formosa. Sakharnye plantatsii obagreny krov'iu krest'ian. [Formosa. Sugar Plantations Dipped with Peasants' Blood]. In *Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie*, 1926, № 5, pp. 13–14.
- [Anon.] (1931). Vosstanie na Formoze. [Mutiny at Formosa]. In *Mirovoe sel'skoe khoziaistvo i krest'ianskoe dvizhenie*. 1931, № 1, pp. 20–21.
- Besedovskii, G. (1997). *Na putiakh k termidoru*. [Going to the Termidor]. Moscow : Sovremennik. 464 p.
- Gastov, G. [Astakhov, G.A.] (1930). *Iaponskii imperializm. Politiko-ekonomicheskii ocherk*. [Japanese Imperialism. Politico-Economic Outline]. Moscow : Moskovskii rabochii. 144 p.
- Golovachev, V.Ts. (2016). Issledovaniia po etnologii Taivania v trudakh iaponskikh uchenykh kolonial'nogo i poslevoennogo perioda. [Japanese Ethnologic Studies on Taiwan during the Colonial and Post-War period]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. М. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 206–221.

- Gorshenin, I. (1934). Iaponskie kolonii. [Japanese Colonies]. In *Iaponiia. Sbornik statei*. M. : Sotsekgiz, 1934, pp. 129–131.
- Gromkovskaia, L.L., Kychanov, E.I. (1978). *Nikolai Aleksandrovich Nevskii*. [Nikolai Aleksandrovich Nevskii]. Moscow, 1978. 216 p.
- Iaponiia. Sbornik statei i materialov*. (1934). [Japan. Collected Papers and Sources]. M. : Partizdat. 400 p.
- Iaponiia. Sbornik statei*. (1934). [Japan. Collected Papers]. M. : Sotsekgiz. 416 p.
- Kiuner, N.V. (1937). Kollektivnye okhoty u formozskikh plemen (u plemeni ataiial). [Collective Hunts of Formosan Tribes (Atayal Tribe)]. In *Sovetskaia etnografiia*, 1937, № 2/3, pp. 101–110.
- Luk'ianova, M. (1931). Vosstanie na Formoze. [Mutiny at Formosa]. In *Mezhdunarodnoe rabochee dvizhenie*, 1931, № 1, pp. 16–18.
- Molodiakov, V.E. (2016A). Vitrina iaponskoi kolonial'noi politiki: Taivan' v zapiskakh amerikanskikh puteshestvennikov 1920-kh godov. [Showcase of Japanese Colonial Policy: Taiwan Seen by American Voyagers in the 1920s]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 162–178.
- Molodiakov, V.E. (2016B). Kolonial'naia politika i modelirovanie obraza Iaponii: Taivan', 1900–1930-e gody. [Colonial Policy and Japanese Image-Making: Taiwan, the 1900–1930s]. In *Iaponiia. 2016. Ezhegodnik*. M. : 2016, pp. 156–172.
- Molodiakova, E.V. (2016). Kolonial'naia politika Iaponii: vzgliad iz Rossii. [Japanese Colonial Policy As Seen from Russia]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 17–25.
- Nevskii, N.A. (1935). *Materialy po govoram iazyka tsou*. [Tsou Language Dialects. Materials]. M.–L. : Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 136 p.
- Nevskii, N.A. (1981). *Materialy po govoram iazyka tsou. Slovar' dialekta severnykh tsou*. [Tsou Language Dialects. Materials / Northern Tsou Dialect. Dictionary]. M. : Nauka. 292 p.
- Petrovskii, V. (1930). Vosstanie “dikarei” na Formoze. [“Savages” Mutiny at Formosa]. In *Prozhektor*. 1930, № 34, pp. 22–24.
- Pil'niak, B. (2004). *Korni iaponskogo solntsa* [Roots of Japanese Sun]. / Savelli, D. *Boris Pil'niak v Iaponii: 1926*. [Boris Pil'niak in Japan? 1926]. M. : Tri kvadrata. 336 p.
- Reshetov, A.M. (1993). N.A. Nevskii kak etnograf. [N.A. Nevskii as Ethnographer]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. 1993, № 6.
- Rozen, A. [Bremar, Ia.P.] (1935). Krovavoe sorokaletie. (Formoza 1895–1935 gg.). [Bloody Forty Years. Formosa, 1895–1935]. In *Tikhii okean*, 1935, № 3 pp. 105–122; № 4, pp. 86–97.
- Sovremennaia Iaponiia*. (1934A). [Contemporary Japan]. Iss. 1. M. : Institut mirovogo khoziaistva i mirovoi politiki. 304 p.
- Sovremennaia Iaponiia*. (1934B). [Contemporary Japan]. Iss. 2. M. : Institut mirovogo khoziaistva i mirovoi politiki. 232 p.
- Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* (2001). [Stalin and Kaganovich. Letters, 1931–1936]. Moscow: ROSSPEN. 798 p.
- Tanin, O., Iogan, E. [Tarkhanov, O.S., Iolk, E.S.] (1933). *Voенно-fashistskoe dvizhenie v Iaponii*. [Military–Fascist Movement in Japan]. M. : Partizdat. 272 p.
- Tertitskii, K.M., Belogurova, A.E. (2005). *Taivan'skoe kommunisticheskoe dvizhenie i Komintern (1924–1932 gg.)*. *Issledovanie. Dokumenty*. [Taiwanese Communist Movement and Comintern (1924–1932). Study. Documents]. M. : Vostok–Zapad. 624 p.
- Toder, F.A. (1993). Istoriiia izucheniia Taivania v Rossii. [A History of Taiwanese Studies in Russia]. In *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1993, № 5, pp. 45–56.
- Vavilov, N.I., Akad. (1930). Nauka v Iaponii. (Iz vpechatlenii poezdki v Iaponiiu, Koreiu i Formozu osen'iu 1929 g.). [Science in Japan. Impressions of the Trip to Japan, Korea and Formosa, Autumn 1929]. In *Priroda*, 1930, № 4, pp. 355–378.
- Vavilov, N.I. (1987). *Piat' kontinentov*. [The Five Continents]. M. : Mysl'. 348 p.
- Watanabe, T. (2016). Kolonial'nyi Taivan' kak model' regional'nogo razvitiia. [Colonial Taiwan as a Model of Regional Development]. In *Taivan' pod iaponskim upravleniem. Novye materialy i issledovaniia*. M. : Institut vostokovedeniya RAN, 2016, pp. 8–16.

The article was submitted on 20.02.2018